18+

Арина Лорель

Иллюзия



Арина Лорель

Иллюзия

«Издательские решения»

Лорель А.

Иллюзия / А. Лорель — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Алексей Громов — бывший оперативник, потерявший службу, квартиру и почти всё, что считал своей жизнью. Ради больной сестры он соглашается на странную работу в нижегородском клубе «Инферно»: следить за камерами, гасить конфликты и присматривать за женой владельца — Леонида Гурьева, влиятельного мецената с лицом хищника.

© Лорель А.
© Издательские решения

Содержание

Иллюзия 6
Глава 1 7
Глава 2 10
Глава 3 13
Глава 4 15
Глава 5 18
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Иллюзия

Арина Лорель

© Арина Лорель, 2026

ISBN 978-5-0071-5385-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Иллюзия

Глава 1

Дождь шёл третий час. В Нижнем Новгороде он никогда не лил — он висел. Тяжёлая серая взвесь, в которой тонули не только фары машин и неоновые вывески, но и сами лица людей, превращала город в размытую акварель на мокрой бумаге.

Алексей Громов сидел в «четвёрке» с мёртвыми дворниками. Резинки ссохлись ещё летом, и теперь по лобовому стеклу расползались мутные серые пятна, искажая перспективу. Через них «Инферно» выглядел размытым, будто его стёрли ластиком из реальности и забыли дорисовать. Чёрный обсидиан стен, пульсирующая золотая пыль неона по фасаду. Здание не светилось — оно источало свет, как больной, охваченный лихорадкой. В этом свете было что-то противоестественное, как в улыбке мертвеца: оно притягивало и отталкивало одновременно.

Вход — узкая щель в основании башни. Как в пасть. Он знал это место. Все знали. Но знание здесь не давало власти. Клуб, где торгуют не властью, а её запахом. Сюда приходят те, у кого нет денег даже на иллюзию контроля, и уходят с долгом, который переживёт их детей. Сюда приходят те, у кого есть всё, и уходят с пустотой в глазах, потому что даже они не могут купить то, что здесь продают. Здесь торгуют людьми. Не телами — душами. Телами торгуют в других местах, попроще. Здесь — душами, заложенными в ломбард, из которого нет выхода.

Пальцы мелко дрожали. Третий день без нормальной дозы транквилизаторов. Уволенный со службы опер редко возвращается в профессию, если в деле пахнет не порохом, а большими деньгами. Но ломка, которая сводила его челюсти, не была химической. Она сидела в квартире на окраине Сормова, под тремя колючими шерстяными одеялами, и звала его «Машей».

Маша. Сестра. Двадцать три года. Диагноз, который произносили шёпотом, как молитву или проклятие. Болезнь, которая высасывала жизнь из костей, оставляя после себя только боль и счета. Счета, которые росли быстрее, чем надежда. Алексей продал всё, что мог: машину, квартиру, часы, память. Всё, кроме жетона. Жетон он оставил. Не из сентиментальности. Из злости. Чтобы помнить, кем он был. И кем перестал быть.

Телефон на торпеде дрогнул. Не зазвонил — именно дрогнул. Вибрируя так, что дешёвый пластик издавал низкочастотный гул, от которого заныли зубы.

Алексей нажал кнопку приёма на проводной гарнитуре.

— Громов? — Голос в ухе был стерильным. Прошедший через вокодер, лишённый пола, возраста и дыхания. Звук, который не должен существовать. — Фасад «Инферно». Пятый этаж. Кабинет управляющего. Пятнадцать минут. Машина не нужна. Припаркуйся за квартал, периметр под охраной.

Щелчок. Короткие гудки. Не просьба. Приказ.

Он дожал окурок в пепельницу, где уже лежал плотный слой жёлтых фильтров, похожий на срез гнилого зуба. Вышел из машины. Сырой холод ударил под одежду. Кашемировое пальто, купленное в прошлой жизни, мгновенно впитало влагу, становясь тяжёлым, как кольчуга. У козырька подъезда курил вышибала — гора мышц в дорогом кашемире, шея борца,

взгляд, навсегда зафиксированный в точке в трёх метрах от себя. На Громова он даже не покосился. Здесь смотрели только на хозяев и на призраков. Алексей сейчас был вторым.

Внутри пахло не парфюмом. Тяжёлый, маслянистый аккорд туберозы, дорогого кубинского табака и чего-то металлического, похожего на кровь. Пол из чёрного мрамора отражал свет так, что казалось, будто идёшь по звёздному небу. Это было красиво и неправильно. Красота, построенная на чужой боли, всегда пахнет металлом.

Его провели на второй этаж. Лестница без перил. Психологический трюк, старый как мир: гость должен почувствовать, что падает в пропасть, ещё до того, как увидит сцену. Архитекторы знали своё дело. Каждый шаг отдавался в коленях, в позвоночнике, в затылке. Ты не поднимаешься — ты балансируешь на грани.

Кабинет оказался обманчиво скромным. Никаких золотых пресс-папье. Стол из матового стекла, три монитора во всю стену и единственное кожаное кресло. В нём сидел человек, чьё лицо знала вся страна. Леонид Гурьев. Меценат. Филантроп. Мясник.

Он был красив той особой породой красоты, которая бывает у хищников: правильные черты, седина на висках, дорогой костюм, идеальная осанка. И глаза. Глаза, в которых не было ничего человеческого. Только холодный, математический расчёт. Он смотрел на Алексея, как смотрят на инструмент. Полезный — оставим. Сломается — выбросим.

— Садись, — Гурьев указал на жёсткий стул для посетителей. Сам остался стоять, нависая. — Твоя задача называется «менеджмент безопасности», но это эвфемизм. Смотри сюда.

Он щёлкнул пультом. Мониторы ожили. Камеры показывали гримёрку. Девушки смывали макияж. Одна плакала. Другая — высокая брюнетка с книгой Франца Кафки — смотрела в пустоту. В этой пустоте было больше жизни, чем во всём зале.

— Видишь её? — тихо спросил Гурьев.

— Вижу.

— Если она порежет палец, я узнаю через секунду. Если решит выйти покурить на пожарную лестницу дольше чем на четыре минуты — мои люди будут знать, о чём она думает. Здесь нет частной жизни. Есть только активы.

Гурьев обошёл стол и положил перед Алексеем пластиковую карту-ключ. Золотая полоса, холодный пластик, ещё пахнущий заводской смазкой.

— Пятьсот тысяч в месяц. Плюс бонусы. Твоя работа — сидеть в этом кресле. Следить за камерами. Пресекать драки между пьяными депутатами. И самое главное — следить за моей женой.

— Светлана изменяет? — спросил Алексей, стараясь держать лицо непроницаемым. Старая привычка опера — бить в стык.

— Светлана мертва, — спокойно ответил Гурьев. — Последние пять лет внутри этой женщины живёт призрак той девочки, которая когда-то танцевала на ржавом шесте в подвале

на Автозаводе. Я купил ей новое лицо. Новую грудь. И контракт на десять лет. Она ненавидит меня. А я ненавижу сюрпризы. Мне нужен сторожевой пёс. Который будет докладывать, если моя фарфоровая кукла попытается разбиться. Справишься?

— Понял, — кивнул Алексей.

В главном зале погас свет. Остался один луч. Светлана вышла на сцену. На ней не было ничего, кроме кожи, покрытой слоем жидкого серебра, и маски ворона. Она не крутилась на пилоне. Она двигалась рвано, имитируя судороги птицы, попавшей в нефтяное пятно. Это был не стриптиз. Это был анатомический театр боли. Зал замер. Мэр города перекрестился.

Она закончила номер падением. Просто рухнула лицом вниз на чёрный бархат. Гурьев подошёл сзади.

— Впечатляет? — его голос прозвучал прямо над ухом Алексея. — Знаешь, сколько стоит этот танец? Двести тысяч евро хореографу. Она должна мне больше, чем весит сама. Добро пожаловать в «Инферно», Громов. Мой кабинет внизу, твой — вверху. Ты тут даже не тюремщик. Ты — бумажка.

Когда Гурьев ушёл, Алексей поднялся в свой звуконепроницаемый бункер. Комната без окон, стены обиты панелями, воздух пах озоном от серверов и застарелым кофе. Выдвинул ящик стола. Внутри лежал жетон УВД Нижегородской области, завёрнутый в промасленную тряпицу. Он провёл пальцем по гравировке. Металл был холодным, но под пальцами проступало тепло — память о другой жизни, о другом человеке. Человеке с ясными глазами и твёрдыми принципами. Человеке, которого больше не было.

Рядом — запечатанный конверт от друга из управления. Корявый, летящий почерк опера из убойного, который спал по три часа в сутки. *«Лёха, копни этого упыря. Там трафик живого товара. Собери компромат. Светлану береги, она — главная улика». *

Алексей вставил флешку в разъём. Десятки видеофайлов. Прокуроры. Судьи. Человек, курирующий строительство моста. Он переключил монитор на камеры наблюдения. Нашёл Лолу. Она посмотрела прямо в объектив потолочной камеры. Посмотрела долго, не моргая. Затем медленно провела большим пальцем себе по горлу. *SOS. Меня убивают.*

Но никто в этом зале не собирался её спасать. Даже он.

Глава 2

Утро в «Инферно» начиналось не с рассвета, а с запаха хлорки и дешёвого растворимого кофе, который, казалось, въелся в сами стены.

Алексей спустился в свой кабинет к восьми, хотя клуб оживал только после полуночи. Ему нужно было понять механику машины, прежде чем пытаться её сломать. Днём клуб выглядел как скелет: панорамная крыша пропускала серый, неживой свет, хрустальные люстры висели мёртвые, покрытые пылью. Величие исчезло. Осталась только мёртвая механика. И тишина. Гулкая, звенящая тишина, в которой каждый шаг отдавался эхом, а каждый вздох — приговором.

Он вошёл в закрытую сеть. Папка называлась просто: «Активы / Текущие». Вместо имён сотрудников здесь стояли инвентарные номера. №412-Лола. №308-Светлана. №551-Майя.

Алексей открыл файл Лолы.

Принята: 14 марта 2019 г.
Аванс (контракт): 1 200 000 руб. (пластика лица, липосакция рёбер, удаление нижних рёбер).
Ежемесячное содержание: 45 000 руб. (проживание в капсульном блоке).
Костюмы/Грим: списано в расход.
Штраф (опоздание на репетицию, 12 мин): -15 000 руб.
Штраф (сломанный ноготь во время номера «Цапля»): -8 000 руб.
Процент за пользование авансом (сложный процент, ставка 4% в месяц): +…

Цифры плыли перед глазами. Сложный процент. Гурьев был не сутенёром. Он был банкиром, торгующим человеческой биомассой. Сумма долга Лолы не уменьшалась. Она росла каждую секунду, даже когда она спала. Чтобы выкупить контракт при таких условиях, ей пришлось бы танцевать триста лет. Без еды. Без воды. Без надежды.

Он открыл файл Майи. №551. Двадцать два года. Пришла год назад. Танцевать не умела — ноги кривые. Гурьев оплатил остеотомию. Перепилил кости, вытянул голени на четыре сантиметра. Теперь у неё походка лани. Долг за операцию — три миллиона. Плюс проценты. Она отработает их, когда ей стукнет семьдесят. Если доживёт.

В дверь постучали. Не вошли — именно постучали. Для этого мира это было почти дерзостью.

— Открыто, — бросил Алексей, не отрывая взгляда от экрана.

На порог шагнул Виталий. Огромный детина под два метра ростом, бывший омоновец, уволенный за избыточное применение силы. Его костяшки были сбиты в кровь, но не свежую — гематомы сливались в старые фиолетовые пятна. В руках он держал термос. Движения были тяжёлыми, но точными. Человек, который привык к тому, что его боятся.

— Кофе? — просипел он. Голос звучал так, словно горло давно забетонировали. — Настоящий. Арабика. Варю внизу, в каморке охраны.

Алексей молча кивнул. Виталий прошёл внутрь, тяжело опустившись на стул. Дерево жалобно хрустнуло под его весом.

— Леонид сказал присматривать за тобой, — Виталий сделал глоток из крышки термоса. — Сказал, что ты мент. Что менты бывают двух видов: те, кто берёт, и те, кого взяли. Ты выглядишь как второй, решивший поиграть в первого.

— Наблюдательный, — Алексей взял протянутый кофе. Горячая жидкость обожгла пищевод, прогоняя остатки вчерашнего похмелья.

— Тут все наблюдательные, — Виталий обвёл тяжёлым взглядом мониторы. — Знаешь, в чём разница между нами, мент? Я бил людей, потому что приказывали. Ты бил людей, потому что верил. А теперь ты просто крыса, ворующая объедки со стола хозяина. Жалкое зрелище.

Алексей стиснул зубы. Ему захотелось ударить. Но он знал — Виталий только этого и ждёт, чтобы списать всё на «самооборону». Он спросил другое:

— Как он их держит?

— Бухгалтерия, — Виталий усмехнулся, обнажив металлические коронки сбоку. — Страх. И надежда. Надежда — самая дорогая валюта. Вот смотри.

Он перегнулся через стол, нависнув над Алексеем, и ткнул пальцем в экран, в графу Майи.

— Девочка пришла год назад. Танцевать не умела, ноги кривые. Гурьев оплатил ей остеотомию. Перепилил кости, вытянул голени на четыре сантиметра. Теперь у неё походка лани. Долг за операцию — три миллиона. Плюс проценты. Она отработает их, когда ей стукнет семьдесят. Понимаешь? Она знает, что никогда не выйдет отсюда. Но каждый вечер она выходит на сцену и улыбается богатеньким ублюдкам, потому что надеется, что сегодня какой-нибудь стареющий нефтяной принц влюбится в её глаза, заплатит отступные и заберёт её на яхту.

— Так не бывает, — глухо ответил Алексей.

— Конечно, не бывает, — легко согласился Виталий. — Принцы покупают себе новых девочек. А Майя остаётся. Но пока она верит — она будет танцевать идеальный балет. Идеальный раб — это тот, кто думает, что свободен. Или тот, кому есть что терять.

Он встал. Суставы коленей щёлкнули, как разряд статики.

— Совет, мент. От чистого сердца. Не лезь в папку Светланы. Там нет цифр. Там кладбище. Гурьев хранит видео всех своих конкурентов, которые заходили к ней в VIP-комнату. Если хоть одна копия утечёт наружу, полгорода чиновников сделают сэппуку. Твоя старая контора тоже там засветилась. Те ребята, что дали тебе флешку, — им конец, если нажмёшь «копировать».

Дверь закрылась.

Алексей остался один. Он снова открыл файл Светланы. Там действительно не было дебета и кредита. Была лишь одна видеофайл-ссылка, ведущая в облачное хранилище с трёхкратным шифрованием. Рядом стояла пометка красным шрифтом: *«Архив «Падший ангел». Доступ запрещён. Код авторизации: биометрия владельца + голосовой слепок». *

Он закрыл ведомости. Поднялся, подошёл к окну. Дождь кончился, оставив город блестеть, как мокрая свиная кожа. Из зала снизу донеслись первые аккорды дневного саундчека. Низкий гул пошёл по перекрытиям, заставляя вибрировать зубную пломбу.

Глава 3

К девяти вечера Громов вернулся в клуб. Карта-ключ холодила ладонь сквозь ткань куртки. Он чувствовал себя шпионом в плохом кино, но адреналин требовал выхода. Слова Виталия сидели в голове, как заевшая пластинка: *«Ты не тюремщик. Ты бумажка»*. Бумажка хотела стать камнем. Хотя бы ради Маши.

Он занял свой кабинет. Мониторы транслировали ровную жизнь муравейника. Техники в зале настраивали лазеры, Виталий у главного входа флегматично обыскивал депутата Государственной Думы.

Лола вышла на сцену во втором отделении. Номер назывался «Механика». На ней был костюм из латекса, имитирующий обнажённое тело, пересечённое синими линиями вен и проводов. Музыка напоминала звук работающего кардиостимулятора — ровный, давящий, гипнотический. Танец был математически выверен. Каждый поворот головы, каждый изгиб позвоночника совпадал с пиковым напряжением в сети.

На крещендо Лола упала на колени и сделала резкое движение рукой по горлу — будто перерезала себя невидимым лезвием. Зал ахнул. Это была метафора. Но на мониторе тепловизора руки Лолы вспыхнули ярко-белым — цвет паники, критический перегрев. Алексей смотрел на это и не мог отвести глаз. Он видел не танец. Он видел агонию.

После номера он спустился на технический этаж. Коридор за сценой был узким, пропахшим застарелым потом, канифолью и дешёвой валерьянкой. Лола шла ему навстречу, кутаясь в махровый халат. Без грима её лицо казалось болезненно-серым, под глазами залегли глубокие тени. Она выглядела старше своих лет. Намного старше.

— Тебе здесь не рады, управляющий, — бросила она, пытаясь обойти его.

Алексей выставил руку, преграждая путь. Холодная сталь плитки обожгла его спину — он прижался к стене, отрезая ей отход.

— Я видел твои штрафы, — тихо сказал он. — Четырнадцать процентов годовых. Ты никогда не выплатишь долг.

— Это математика для бухгалтеров, — она попыталась вырвать руку, но хватка бывшего опера была железной. — Моя математика проще: двенадцать часов смены, чтобы не сойти с ума.

— Я могу вытащить тебя, — слова прозвучали фальшиво даже для него самого. — У меня есть выходы. Документы. Деньги на первое время.

Лола остановилась. Она медленно подняла на него глаза. В полумраке технического коридора она выглядела не как звезда сцены, а как загнанное животное, чующее капкан.

— Выход? — переспросила она очень тихо. — Куда, Громов? Обратно в общагу матери, где отчим ждёт, пока сестра уснёт, чтобы снова зайти к ней в комнату? На трассу М-7, где девочки замерзают насмерть в первую же зиму, если не находят клиента? Сюда приходят не за

свободой. Сюда приходят, чтобы выбрать, кто именно тебя уничтожит. Здесь я выбираю. Там выбирают меня. Оставь свои полицейские сказки для протокола.

Она вдруг подалась вперёд, сокращая дистанцию до интимной. Обдала его запахом сценического клея, дешёвых духов и холодного пота.

— Хочешь помочь? — прошептала она. — Сегодня в третьем акте. Номер «Экзорцизм». В ложу «А» придёт человек. Серый костюм, очки. Он оставит на сиденье футляр. Забери его. Не открывай. Просто вынеси из клуба и утопи в Волге. Сделаешь это — мы квиты. Навсегда.

— Что в футляре? — напрягся Алексей. Его рука инстинктивно дёрнулась к поясу, где должна была быть кобура.

— Твоё золотое правило, — она горько усмехнулась, обнажая ряд ровных, слишком белых зубов. — Не задавай вопросов. Иначе станешь клиентом.

Она выскользнула из-под его руки и скрылась в облаке пара, идущего из вентиляционной шахты. Алексей остался один в гудящей тишине коридора. Он понял. В этом зале никто бы её не спас. Даже он.

Глава 4

Третий акт начался с задержкой. Алексей стоял в операторской, под самым потолком, скрытый в тени ферм освещения. Он смотрел на ложи. Ложа «А» — лучший обзор, бронируется минимум за тысячу долларов. Мужчина в сером костюме сидел безупречно, но плечи выдавали напряжение. Он нервно поглядывал на часы, явно кого-то ожидая.

На сцене три девушки в костюмах инквизиторов растягивали Лолу на дыбе из хромированных труб. Хореография насилия, эстетизированная до предела. Луч бил точно в промежность, ослепляя зал, лишая Лолу тени. В этом свете она была не человеком — символом. Жертвой, которую приносят на алтарь чужого удовольствия.

Мужчина встал. Огляделся. Положил на бархатное сиденье длинный чёрный пенал, похожий на чехол для чертежей, и быстрым шагом ушёл через заднюю дверь VIP-зоны.

Сердце Алексея сделало кульбит. Слишком просто. Слишком театрально. Гурьев обещал следить за каждым шагом. Если сейчас схватить футляр и побежать к чёрному ходу — сработает сигнализация. Если оставить — Лолу накажут за невыполненную сделку.

Он принял решение. Вышел из операторской, спустился по лестнице для персонала, вошёл в VIP-коридор. Охрана знала его в лицо и привыкла видеть с планшетом, а не с оружием. Футляр лежал на сиденье. Тяжёлый. Металлический. Камеры в VIP-зоне имели слепые зоны — архитекторы специально проектировали их для приватности гостей, не зная, что проектируют ловушки для убийц. Он схватил пенал, сунул под мышку, двинулся к лестнице.

— Стоять.

Виталий заполнял собой весь проём. Не целился. Просто стоял, перекрывая путь к отступлению.

— Проблемы, управляющий? — осклабился он.

— Клиент забыл вещь, — максимально буднично ответил Алексей, демонстрируя пустые руки. — Отнесу в бюро находок.

— Эту вещь клиент просил передать лично Леониду Аркадьевичу, — Виталий шагнул вперёд. — Медленно. Очень медленно. Положи на пол.

Алексей понял: подстава. Проверка на лояльность. Гурьев знал, что Лола придёт к нему. Знал, что он попытается украсть груз.

— Я выполняю распоряжение хозяина, — соврал он, пятясь к стене.

— Хозяин ждёт тебя в пыточной, — Виталий выбросил руку вперёд с неожиданной для его габаритов скоростью.

Удар в солнечное сплетение. Воздух покинул лёгкие, в глазах потемнело. Алексей сложился пополам, роняя футляр. Пенал с грохотом упал на мрамор, раскрылся.

Оттуда выпала не доза. Выпала кисть. Женская рука, отсечённая по запястью. На пальцах был свежий, облезающий маникюр. На одном из пальцев Алексей узнал кольцо — дешёвую бижутерию из перехода, которую носила новенькая девочка-стажёр, пришедшая в клуб неделю назад. Девочка, которая рыдала в гримёрке, потому что боялась выходить на сцену.

Виталий наступил на футляр подошвой ботинка.

— Ты думал, мы возим дурь? — прорычал он, наклоняясь к самому уху Алексея. — Мы возим ошибки. Эта девочка пыталась сказать «нет» депутату из Москвы. Теперь она говорит только «да». По частям.

Он выпрямился, достал рацию.

— Первый, я взял его. У него посылка. Веду в нижний бокс.

Мир Алексея сузился до точки. Нижний бокс — звуконепроницаемое помещение под паркингом, где стены обиты резиной. Место, откуда не выходят звуки. Страх сменился холодной, звенящей пустотой. Инстинкты, которые он годами давил водкой и таблетками, чтобы не сойти с ума, включились разом.

Виталий отвлёкся на шипящую рацию. Расслабился, считая, что бумажка повержена. Алексей ударил. Не кулаком — локтем. Точно в кадык. Хруст ломаемого хряща прозвучал в тишине коридора как выстрел. Виталий захрипел, схватился за горло, пытаясь вдохнуть. Второй удар — каблуком тяжёлого рабочего ботинка в колено. Виталий упал на здоровый сустав, взвыв от боли.

Алексей не стал добивать. Время вышло. Он перепрыгнул через оседающее тело, схватил ключи, выпавшие из кармана Виталия, и метнулся к пожарной лестнице.

Спускаясь в вонючую темноту запасного хода, он услышал, как наверху, на парковке, с шипением открываются двери лифта. Тяжёлые шаги. Гурьев любил заканчивать такие проверки лично, чтобы посмотреть в глаза.

Он выскочил через люк в ливневом колодце. По пояс в ледяной воде канала. Дождь снова начался, превращая воздух в вязкую взвесь. Побежал вдоль парапета, прижимая к груди проклятую сумку. Впереди мелькнули красно-синие огни. Не полиция. Служба безопасности клуба.

Он свернул в подворотню доходного дома XIX века. Двор-колодец сомкнулся над ним, отрезая звуки сирен и дождя. Алексей привалился к сырой кирпичной кладке, тяжело дыша. Руки тряслись так, что он едва не выронил ключи.

Он убил человека. Нет, Виталий жив. Но карьера Алексея как тихого администратора закончилась сегодня.

Он расстегнул сумку. Достал кисть. Плоть была ещё тёплой, почти горячей. Это была не посылка. Это было предупреждение. Где-то наверху, в тепле и роскоши «Инферно», играла музыка. Люди тратили состояния, покупая иллюзию власти над чужими телами.

Он достал из кармана промокшую зажигалку. Щелчок кремня показался оглушительным в тишине подворотни. Он поднёс пламя к синтетическому маникюру на мёртвом пальце. Пластик вспыхнул синим химическим огнём, освещая его лицо — лицо человека, который перестал быть бумажкой и только что подписал себе смертный приговор.

Глава 5

Вода канала лизала бетон набережной. Дождь смывал запах хлорки и дешёвого дезинфектанта с куртки, но под кожей всё ещё горел адреналиновый пожар. Алексей бежал, пока лёгкие не начали взрываться от нехватки кислорода, потом нырнул во дворы старого доходного фонда на улице Грузинской. Здесь, среди осыпающейся лепнины и гнилых рам, городская система видеонаблюдения давала сбои чаще, чем билось сердце загнанного человека.

Он нашёл телефон-автомат. Реликт эпохи, пахнущий кислой мочой, пылью и холодным металлом. Карта-ключ клуба всё ещё была зажата в кулаке так, что побелели костяшки. Он швырнул её в решётку ливневки. Пластик исчез в темноте с тихим, глухим всплеском. Мост сожжён.

Номер Светланы он помнил наизусть. Не тот, что значился в справочнике для гостей, а прямой спутниковый канал, который видел в её личном деле. Три гудка. Щелчок. Тишина.

— Ты перешёл черту, — голос в трубке был ровным, без удивления. Будто она смотрела этот эпизод по внутренней сети клуба.

— У меня есть кисть, — прохрипел он, прижимая трубку к уху. Динамик царапал кожу. — И данные бухгалтерии. Копия у друзей. Если я не выйду на связь через час…

— Через час ты будешь мёртв, Громов, — перебила она. В её голосе не было ни злорадства, ни сочувствия. Только констатация факта. — Виталий выживет. Леонид будет в ярости. А ярость моего мужа стоит дороже твоего компромата. Приезжай. Адрес скину сообщением. Один. Без полиции. Иначе твоя сестра Маша встретит рассвет в багажнике машины где-нибудь в Балахне.

Связь оборвалась. На экране таксофона высветились координаты. Элитный жилой комплекс «Аквамарин». Башня, парящая над Стрелкой. Место, куда Алексея не пустили бы даже мыть полы.

«Рычаг давления, — подумал он, стирая кровь с костяшек о мокрую джинсу. Она бьёт туда же, куда и Гурьев. В самое больное».

Такси удалось поймать только третье. Водитель, пожилой татарин, всю дорогу косился на дрожащие руки пассажира и тёмные пятна на рукавах куртки, которые дождь так и не смог отстирать.

— Неприятности? — спросил он, выезжая на Канавинский мост. Внизу, под эстакадой, проносились фуры.

— Бухгалтерские, — ровно ответил Алексей, глядя на огни своего бывшего мира, проплывающего за окном. — Сводят дебет с кредитом.

Он вышел у стеклянного входа в «Аквамарин». Внутри пахло озоном и деньгами. Светлана ждала его в пентхаусе. Никакой показной роскоши. Минимализм морга: белый мрамор,

стекло, отсутствие штор. Панорамное окно выходило прямо на купола собора, подсвеченные кроваво-красным неоном. В этом свете всё казалось нереальным. Декорацией. Сценой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.